

В облике Е Линьфэна начали происходить перемены.

Эти изменения, явные и пугающие своей неопределенностью, начались с малого: танцующие вокруг него призрачные бабочки одна за другой рассыпались звездной пылью. Затем лисьи ушки стали уменьшаться, пока и вовсе не исчезли, словно втянулись обратно, а следом за ними начали меняться кожа и сама фигура. Прямо на глазах у Юэ Чэньтаня Е Линьфэн сбрасывал с себя странное наваждение, возвращаясь к тому виду, в котором молодой господин Юэ узрел его впервые.

— Е... Линьфэн? — вновь позвал Юэ Чэньтань.

Е Линьфэн не ответил. Он даже не взглянул на спутника — просто поднялся и направился к выходу. Движения его казались странными, точь-в-точь как у лунатика, бредущего в глубоком сне, но при этом они оставались на диво точными и уверенными, чего не скажешь о человеке, чье сознание затуманено.

Выйдя во двор, Е Линьфэн внезапно обнажил меч. На лезвии всё еще темнела трещина — след от недавнего поединка, который так и не удалось свести до конца. Линьфэн крепко сжал рукоять в правой руке, ножны — в левой, и с резким, яростным свистом рассек воздух.

Раздался звонкий щелчок — клинок окончательно переломился, и обломок с лязгом рухнул на землю.

Небрежно отбросив ножны за спину, Е Линьфэн с каким-то странным удовлетворением оглядел то, что осталось от оружия в его руках.

— Так даже легче, — негромко бросил он.

Его решительность была столь внезапной, что Юэ Чэньтань, собиравшийся было его остановить, замер на полуслове. И вправду, какой смысл беречь меч, по которому змеилась роковая трещина? Рано или поздно он бы всё равно подвел. Но одно дело — холодный расчет, и совсем другое — видеть, как Линьфэн, который еще днем расстраивался из-за каждой новой зазубрины на этом лезвии, собственноручно его ломает.

— Е Линьфэн! — Юэ Чэньтань впервые назвал его по полному имени и поспешил следом, снедаемый тревогой. — Куда ты собрался?

— Спасать... их.

Едва слова сорвались с губ, Линьфэн сорвался с места. Подстегиваемый духовной силой, он летел вперед, преодолевая по десять чжанов за шаг. Юэ Чэньтань, опасаясь беды, бросился вдогонку.

Олений город, погруженный в ночную тишину, внезапно содрогнулся. Мощная волна духовной энергии, заставившая трепетать сами души, прокатилась от центра к окраинам, пробуждая всё живое. Раздался звонкий, чистый голос юноши — не слишком громкий, но исполненный такой внутренней силы, что он проник в каждый закоулок. Это была техника передачи звука.

— Те, кто жаждет духовных пилюль и снадобий, спешите к западной окраине! Кто успеет первым — тот и получит!

Юэ Чэньтань, стоявший бок о бок с Линьфэном, невольно вздрогнул от этого клича, больше похожего на зазывание лавочника, распродающего дешевую капусту.

— Молодой господин Е, что это значит?..

Линьфэн не удостоил его ответом. Повторив призыв трижды, он, едва удерживаясь на остатках духовных сил, взмыл в воздух. Заклинатели высокого уровня могли летать и без меча, но это требовало колоссальных затрат энергии и быстро изматывало, а потому для долгих путешествий не годилось.

В тот же миг Олений город захлестнула волна безумия. Всё домашнее зверье — коровы, овцы, свиньи, собаки, куры и гуси — одновременно сорвалось с мест. Поднялся невообразимый гвалт; обезумевшие животные, давя друг друга, мчались вперед в дикой суматохе. Единственное, что их объединяло — направление: все они, подгоняемые неведомой силой, стремились на запад. Те, кто поглупее и не мог сообразить, в какой стороне окраина, металась по улицам, пока не прибывались к общему потоку.

Наблюдая за этим хаосом сверху, Юэ Чэньтань ощутил холод в груди. Казалось, всё зверье в городе разом лишилось рассудка, превратившись в толпу отравленных, жаждущих противоядия.

Е Линьфэн же взирал на происходящее с ледяным спокойствием, пока не приметил внизу то, что искал.

Среди всеобщего переполоха, когда люди в ужасе забились в свои дома, один человек вел себя в высшей степени подозрительно. Худой, поджарый старик в простом холщовом платье метался среди обезумевших животных. Он не боялся быть растоптанным — напротив, он отчаянно пытался преградить им путь.

Мгновение — и Е Линьфэн приземлился прямо перед ним. Резким пассом руки он наложил заклятие оцепенения.

— Так это ты и есть — та самая ласка-оборотень.

Лицо старика исказилось от ужаса.

— Не понимаю, о чем ты! — заверещал он. — Что ты за чудище такое, зачем обижаешь честного крестьянина?!

— Он твой, молодой господин Юэ, — Е Линьфэн обернулся и коротко поклонился спутнику.

Он торжествующе и лукаво усмехнулся. Не задерживаясь более, он снова исчез.

Оставшись один на один с Юэ Чэньтанем, старик быстро растерял всю спесь. Под суровым взглядом заклинателя он вскоре явил свое истинное обличье, обернувшись мужчиной лет тридцати с седыми волосами. Дрожа всем телом, он рухнул на колени, моля о пощаде. Это был тот самый дух-оборотень ласки, за которым приказал прийти Бессмертный господин в демонической маске.

На западной окраине Оленьего города царил невообразимый шум. Сотни голов скота и домашней птицы сбились в плотную, ревущую массу. Животные хрипели, глаза их налились кровью; они уже начинали свирепеть, чувствуя себя обманутыми, когда в небе наконец появился Е Линьфэн.

Он извлек из сумки Цянькунь флакон со снадобьем — чуть больше винной бутылки — и высоко поднял его над головой.

— Вот то, что вам нужно!

В ответ поднялся такой вой и рык, что заложило уши. В этом зверином хоре слышались и членораздельные выкрики — нетерпеливая брань, требования немедленно отдать обещанное.

Пробка вылетела из флакона. Е Линьфэн, паря над беснующейся толпой, взмахнул рукой, расплескивая жидкость. Лекарство рассыпалось мириадами сверкающих капель. Он продолжал, пока не убедился, что каждый зверь получил хотя бы по капле, и сосуд опустел до самого дна.

В ту же ночь в Олений город после долгих месяцев тревоги наконец пришел покой. Город всё еще казался вымершим, но из него исчезли те, кто сутками напролет бесчинствовал и сеял хаос. Лишь те немногие животные, что остались с Юэ Чэньтанем в даосском храме, пока не спешили уходить, ведь окраины еще были забиты их сородичами.

Закончив дело, Е Линьфэн в одиночестве вернулся в храм. Он держался непринужденно и спокойно, словно не он только что выловил виновника всех бед города, а просто вышел в лес и случайно подстрелил зайца от скуки.

Юэ Чэньтань уже скрутил духа-оборотня ласки по рукам и ногам. Оборотень в своем истинном

обличье оказался куда слабее, чем можно было ожидать: он только и делал, что пытался вырваться и сбежать, не смея вступить в открытый бой.

— Е Линьфэн, я как раз собирался идти за тобой, — Юэ Чэньтань с облегчением шагнул навстречу. — Ты совсем бледный. Неужели расход сил оказался слишком велик? Послушай, ты...

Не успел он договорить, как Линьфэн молча поднял руку, прижимая пальцы к губам Юэ Чэньтаня. В его ладони, неведомо как там оказавшийся, затрепетал складной веер, на костяных пластинах которого красовался иероглиф «Юэ».

Опешив от такой вольности, Юэ Чэньтань замолчал. Е Линьфэн мягко улыбнулся ему; в уголках его глаз всё еще теплился багровый отсвет, оставленный хмельным вином.

— Не двигайся, — прошептал он.

Запустив руку за ворот своего платья, Линьфэн достал маленькую нефритовую табличку. Она висела на шее на тонком алом шнурке — изящная вещица, с одной стороны покрытая вязью заклинаний, а с другой — украшенная именем «Линьфэн». В мире заклинателей такие обереги часто дарили детям, чтобы те всегда были под защитой.

Линьфэн снял это сокровище с шеи, взял Юэ Чэньтаня за руку и торжественно вложил нефрит в его ладонь. Он бережно сжал пальцы спутника, заставляя его крепко обхватить табличку, словно вверял ему нечто бесконечно ценное.

Закончив, Линьфэн заметно расслабился.

— Я...

Юэ Чэньтань замер в растерянности, не зная, что делать с зажатым в руке нефритом. Линьфэн не договорил — слова застряли у него в горле. Внезапно он пошатнулся и всем телом навалился на спутника. Тонкая, пахнущая лесной свежестью фигура бессильно уткнулась Юэ Чэньтаню в грудь.

— Молодой господин... Е?

Юэ Чэньтань едва успел подхватить его. Сердце зашло в бешеном ритме, мысли смешались, и лишь мгновение спустя он понял, что Линьфэн не реагирует на зов.

Присмотревшись, Юэ Чэньтань увидел, что Линьфэн спит и, мерно посапывая, уже погрузился в глубокий сон.

<http://bllate.org/book/17497/1713149>